

Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса

О.В. Аксенова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье концепты индивидуального и коллективного рассматриваются с позиций сущностных трансформаций, происходящих с индивидом как субъектом социального действия. Использована авторская концепция социального действия, согласно которой последнее является дихотомическим единством свободы и алгоритма, или действия свободного и алгоритмизированного, а его субъект представляет собой единство актора (действующего субъекта) и агента (субъекта-функции). Развертывание и снятие данного противоречия по-разному происходит на Западе и в России, которые рассматриваются как две версии современности, различающиеся степенью развитости рыночных отношений. Показано, что технологическое развитие в условиях рынка приводит к возникновению технологической системы, колонизирующей общество в целом, включая культуру. Свободное действие заменяется алгоритмизированным, что ведет к вытеснению актора субъектом-функцией. В итоге индивид редуцируется до функционального элемента технологической системы, превращается в атомизированную единицу, которая может выполнять в равной степени программу индивидуализма или коллективизма. В российском (советском) модерне, в условиях ограниченного рынка, наблюдается обратная колонизация, или симбиоз культуры и системы, которая сохраняла пространство свободного действия и актора. Диалектика индивидуализма и коллективизма в этих условиях является сложным процессом, который может включать в себя индивидуалиста, ориентированного на общее благо. Непосредственно коллективистские установки предполагают ориентацию на «хороший коллектив» и дружбу. Современные тенденции противоречивы, они включают в себя экспансию технологической системы и сохранение версий индивидуализма и коллективизма, традиционных для русского (советского) модерна. В заключение отмечается, что опыт российской модернизации имеет важное значение для нахождения баланса между индивидуальным и коллективным, алгоритмом и свободой, технологическим развитием

и сохранением человеческой индивидуальности в современных условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: социальная философия, индивидуальное, коллективное, субъектность, актор, субъект-функция, технологическая система, модерн.

Аксенова Ольга Владимировна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН.

illaio@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-1634-7597>

Для цитирования: Аксенова О.В. Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 81–96. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96

Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress

O. V. Aksenova

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article explores the concepts of individualism and collectivism through the lens of fundamental transformations occurring within the individual as a subject of social action. The author introduces an original framework conceptualizing social action as a dichotomous unity of freedom and algorithm, or free and algorithmized action. Within this paradigm, the subject of social action is understood as a synthesis of actor (acting subject) and agent (subject-function). The unfolding and resolution of this contradiction manifest differently in Western and Russian contexts, which are analyzed as two distinct versions of modernity, differentiated by the degree of market relation development. It is demonstrated that technological development within market conditions engenders a technological system that colonizes society holistically, including its cultural sphere. Free action is replaced by algorithmized action, leading to the displacement of the actor by the subject-function. Consequently, the individual is reduced to a functional element of the technological system, transformed into an atomized unit capable of equally executing programs of individualism or collectivism. In contrast, Russian (Soviet) modernity, characterized by a limited market, exhibits a reverse colonization, or symbiosis, between culture and system, which preserves a space for free action and the actor. Under these circum-

stances, the dialectic of individualism and collectivism becomes a nuanced process, potentially encompassing individualists oriented toward the common good. Collectivist orientations emphasize alignment with a “good collective” and the value of friendship. Contemporary trends are marked by contradictions, as the expansion of the technological system coexists with the persistence of individualism and collectivism rooted in Russian (Soviet) modernity. The article concludes by suggesting that the Russian experience of modernization offers valuable insights into achieving a balance between individualism and collectivism, algorithm and freedom, technological development and the preservation of human individuality under current conditions of global transformations.

Keywords: social philosophy, individual, collective, subjectivity, actor, subject-function, technological system, modernity.

Olga V. Aksenova – D.Sc. in Sociology, Chief Research Fellow, Head of the Center for the Study of Russia’s Regions, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

illaio@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-1634-7597>

For citation: Aksenova O.V. (2024) Individualism and Collectivism in the Context of Technological Progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 81–96.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96

Введение

Настоящая работа основана на осмыслении применительно к индивидуальному и коллективному многолетних исследований социального действия и его субъекта в России и на Западе¹. В ходе этих исследований было обнаружено парадоксальное присутствие свободы действия, а соответственно, самостоятельного действующего субъекта в России и Советском Союзе, и не менее парадоксальное его превращение в функциональный элемент технологической системы на Западе. Их итогом стала авторская концепция, основанная на интерпретации социального действия как единства свободы и алгоритма, а соответственно, его субъекта

¹ Имеются в виду эмпирические исследования автора, осуществлявшиеся на Западе (Нидерланды) и в России, а также ретроспективный анализ советской модернизации. Основные результаты содержатся в двух монографиях [Аксенова 2016; Социокультурные основания... 2022] и ряде статей.

как актора и агента (субъекта-функции)². Она позволяет рассмотреть противоречие индивидуального и коллективного с позиций изменения субъектности индивида и в итоге трансформации его самого. Импульсом к размышлениям об индивидуальном и коллективном послужили научная конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе»³ и статья А.П. Давыдова, в которой автор обобщил подходы к изучению данного предмета и предложил собственное видение индивидуализации социального, а также идею «социально ориентированного индивида» [Давыдов 2023].

Коллективное и индивидуальное в социологии относятся к ключевым параметрам различия традиции и модерна в историческом измерении и при исследовании современности. Модернизация есть одновременно индивидуализация общества, переход от традиционного общинного (в широком смысле данного термина) устройства к сложному взаимодействию индивидов. Данный процесс осмыслен и исследован западными и российскими социологами с самых разных ракурсов, включая создаваемые им риски [Бауман 2005; Бауман 2008; Beck, Beck-Gernsheim 2008]. В России, где этот процесс запаздывал, его чаще всего связывают с советской индустриализацией [Черныш 2022]. Дихотомические полюса коллективизма и индивидуализма используются в цивилизационных исследованиях в том же значении. Как отмечает В.И. Пантин, исходят из того, что исторически «в восточных цивилизациях доминируют коллективизм, корпоративизм и клановость, в западных – индивидуализм и персональная ответственность» [Пантин 2021, 26]. Россию в этих координатах принято размещать ближе к Востоку, она ориентирована на коллективизм, исторически основанный на крестьянской общине

² Категория актора основана на концепте действующего субъекта А. Турена, который он использовал при описании социальных движений «длинных шестидесятых». По мнению социолога, они были способны изменять социальную реальность в соответствии с собственными ценностями [Турен 1998]. Однако в данном случае речь идет о полюсе дихотомии, о субъекте, способном самостоятельно мыслить, принимать решения и действовать. Субъект-функция лишь исполняет программу, последовательность действий которой не может быть нарушена.

³ Конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» (Москва, май 2024 года) подготовлена Отделением общественных наук РАН, Институтом социологии ФНИСЦ РАН, Институтом философии РАН и Институтом психологии РАН к 300-летию Российской академии наук и 95-летию со дня рождения А.С. Ахиезера.

и православной соборности, хотя процессы индивидуализации в ней очевидны и общепризнаны. Западный индивидуализм и российский коллективизм стали практически аксиомами во всех видах дискурса, включая бытовой и литературный, независимо от коннотаций, которые часто изменяют знаки.

Однако аксиоматическая устойчивость понимания коллективного и индивидуального как маркеров русской традиции (и даже архаики) и западного прогресса вызывает сомнения, если обратить внимание на главный элемент обоих феноменов, на индивида. Во всех трактовках диалектического единства коллективного и индивидуального индивид выступает своего рода константой. Во-первых, он *homo sapiens sapiens* с его биологически детерминированными способностями мыслить нетривиально; во-вторых, он личность с непостижимым «нравственным законом внутри», согласно известному императиву Канта. Он также уникальная индивидуальность с неповторяющимся набором качеств. Индивид избавляется от ограничений коллектива и обретает свободу воли, ответственность. Различия в многочисленных трактовках категории личности в данном случае не настолько важны, значимым является ее сложность, присутствующая в любом из концептов, наличие свойств, не поддающихся четкому определению.

Но нет рациональных оснований для уверенности в том, что все перечисленное неизменно, а изменчива лишь степень индивидуализма. В этой связи важно понять, что собой представляет индивид, предпочитающий атомизацию и самость или, наоборот, включенность в коллектив, на Западе и в России. Запад и Россия в данном случае рассматриваются как исторически разные версии современности, в основании которых находится прежде всего разная степень развития рыночных отношений. Почему в одной из них он стойко атомизируется, а в другой – упрямо держится за коллектив и держится ли в действительности?

Утрата субъектности и исчезающая индивидуальность

Индустриальное развитие и технологический прогресс существенным (точнее, сущностным) образом изменяют человека. Эта трансформация отчасти отражена в исследованиях феномена отчуждения, но более точно и полно в других явлениях, в редукции личностной сложности в технологической системе, которую обнаружил Ж. Эллюль [Ellul 1980], а также

в утрате субъектности, зафиксированной в теории акторских сетей Б. Латура и М. Каллона [Latour 2005; Callon 1987].

В технологической системе, которая, согласно Эллюлю, тотальна и поглощает общество высокого модерна, сливаясь с его культурой, индивид превращается не просто в винтик индустриальной машины, но в формализованный элемент системы, лишенный индивидуальности и редуцированный к функции. Любое его действие сведено к заданной извне последовательности шагов, т.е. к программе, алгоритму, пошаговой инструкции. Колонизация общества технологической системой означает, что алгоритмизируются сферы жизни человека, включая самые интимные. Необходимо уточнить, что алгоритм как заданная, четко определенная последовательность шагов есть имманентная составляющая любого действия, а то, что Эллюль называет системой, со всеми ее структурными и функциональными элементами, сетями связей – своего рода скелет любого социума. Но на определенном этапе развития последнего технологический скелет замещает весь организм. Об опасности технократической, инструментальной оккупации жизненного мира писали также другие исследователи [Хабермас 1993; Бауман 2004; Risk, Environment... 1996].

Субъектность в технологической системе переходит к самой системе. Индивид субъектность теряет, если только не определить ее иным образом, что и делает Б. Латур. Он наделяет равной субъектностью все без исключения элементы технологической цепочки. По сути, она сведена к необходимости каждого из элементов для осуществления того или иного технологического процесса, точнее, любого процесса, если под технологией понимать последовательность операций, а не технические инновации и их производство. Если убрать хотя бы что-то одно, вся цепочка развалится. Но равенство инженера и бетономешалки означает отсутствие субъектности у инженера, а не ее присутствие у бетономешалки. Технологическая система не использует и биологические способности мыслить нетривиально, следовательно, образовательная система их не развивает.

Индустриальный прогресс, действительно, дал невиданную ранее свободу индивиду, а вместе с ней индивидуальную ответственность, и он же их минимизировал до невиданных ранее пределов, как будто следовал диалектике отрицания. Специализация в мануфактуре, затем в промышленном производстве формализует (и отчуждает) простой труд. Далее этот процесс

распространяется на сложное действие и в итоге на всё, включая науку, которая пока еще служит последним рубежом сопротивления, но сдает позиции. По мнению Ж. Эллюля, коллективный разум успешно заменяет разум индивидуальный. События на АЭС «Фукусима-1» показали, что такая замена не особенно успешна, а отсутствие субъектности у оператора может привести к катастрофическим последствиям в непредсказуемых ситуациях, в которых инструкция бесполезна [Аксенова 2016, 202–209]. Однако в данном случае важен факт замены, неизбежный в условиях глубокой специализации.

Утрата субъектности и сведение человека даже не к роли, а к функции радикально трансформирует индивида. Можно предположить, что нравственный закон, индивидуальные качества, жизненные принципы и цели в человеке сохраняются, равно как и биологическая способность мыслить нетривиально. Однако это уже не имеет значения, поскольку все перечисленное не востребовано, не актуализируется.

В этой связи главным, с нашей точки зрения, является вопрос о том, можно ли считать лишенного субъектности и способностей проявления индивидуальности муравья Латура индивидуалистом. Или он способен лишь выполнять программу атомизации или программу кооперации (teambuilding, cooperation skills и т.п.)? Является ли «команда» коллективом? Можно ли рассуждать о личности и ее приоритетности? По нашему мнению, ответы на все вопросы отрицательны. При необходимости приоритеты в технологической системе легко перепрограммируются.

Коллективный и индивидуальный «субъекты» (несубъект, субъект-функция в действительности) могут быть легко заменены искусственным интеллектом, обладающим уже иной сложностью. Дихотомия простого и сложного для понимания особенностей развертывания и снятия противоречия коллективного и индивидуального также важна. Как было отмечено, сложность человеческой личности и культуры в разных значениях этих категорий содержит подвижные, неуловимые, не просчитываемые составляющие. В сложности технологической таковых нет по определению. Жестко заданная последовательность содержится даже в самых изощренных алгоритмах, в сетевых, гибких формах организации.

У индивидуализма высокого модерна, постмодерна и современной эпохи, которой пока нет устойчивого определения, иная

сущность. Он похож на прежний, классический, лишь морфологическим сходством форм проявления.

Индивид в российской (советской) модернизации

В Российской империи и СССР модернизация осуществлялась в условиях в большей или меньшей степени ограниченного рынка, за исключением сравнительно короткого периода, прерванного в 1917 году⁴. Становление модерна в России происходило в течение трехсот лет, если начинать отсчет от реформ Петра I. По этой причине искать истоки современного коллективизма в русском крестьянстве и православии, с нашей точки зрения, видится не вполне корректным. Город победил деревню, давно исчезла окружающая просвещенные столицы крестьянская стихия. Все традиции, которые нами выявлены, возникли в эпоху советского модерна, в 30-е либо 60-е годы XX века, или были реконструированы, если речь идет, например, о казачестве и коренных малочисленных народах российского Севера (а некоторые переизобретены или придуманы).

В советском модерне не сложилось тотальной технологической системы. Парадоксальным образом система управления сохраняла на всех этапах, при любом политическом тоталитаризме или авторитаризме пространство свободы⁵ действия и субъектность человека. В итоге внутри системы оказывались не функция и даже не роль, а полноценный индивид, индивидуальность и нередко индивидуалист. Иными словами, через пространство свободы в систему втягивается культура в целом, колонизируя ее или вступая с ней в симбиотические отношения. Формировалась тенденция, обратная колонизации культуры в западном модерне. По этой причине в наших исследованиях субъектности на Западе и в России эмпирические данные неожиданно для нас оказались зеркально противоположны.

Сложнее объяснить причины такого устройства. Ограниченность рынка, который сам по себе редуцирует и абстрагирует

⁴ Категория модернизации используется в данном случае без политических коннотаций, связей с авторитаризмом или демократий. Она обозначает исключительно становление индустриальной и технологической составляющих современного общества.

⁵ Понятие «пространство свободы» в несколько ином, но сходном значении введено французскими историками А. Блюмом и М. Меспуле в исследовании советского статистического ведомства при Сталине [Блюм, Меспуле 2006].

все человеческие взаимодействия, может быть лишь одной из них. Другими причинами могут быть разнообразие, сложность и непредсказуемость среды (природной, культурной и т.п.). Эти трудности бытия практически все социологи справедливо считают одним из основных факторов коллективизма. Без помощи группы в такой среде можно не выжить. Однако эти слабо предсказуемые сложности препятствовали алгоритмизации действия. Еще одним фактором может быть периодически возникающая потребность в мобилизации ресурсов.

Способность к стремительной мобилизации, результативное советское мобилизационное управление и мобилизационная экономика хорошо известны. Возможно, все перечисленное и сводило на нет попытки СССР достичь высокой специализации и выстроить аналог технологической системы. Актор, стремящийся быть свободным, – существо опасное, но не менее опасен и субъект-функция, поскольку действует стандартно в нестандартных ситуациях.

Мобилизационная гибкость советской «командной» системы обеспечивалась расширением пространства свободы, оценкой результатов, а не контролем и мониторингом процесса. В итоге война и ликвидация последствий катастрофы в Чернобыле вспоминаются в ряде случаев как лучшее время в жизни, поскольку это позволяло полностью реализовать свободу принятия решения и свободу действия, даже если отрицательный результат был чреват суровыми репрессиями.

В российской диалектике коллективного и индивидуального коллективное может быть интерпретировано как ориентация на благо других либо как потребность в коллективе, который защитит. Однако она, с нашей точки зрения, основана уже не на общине и не на родовых связях, которые до сих пор существуют в немногих сохранившихся селах.

Основанием советского коллективизма был, во-первых, сам характер индустриального производства при отсутствии конкуренции с ее разделяющей, обособляющей ролью; во-вторых, обозначенная выше объективная необходимость во взаимной поддержке. Однако россиянин (советский человек), сохраняющий в полной мере индивидуальность, не любит коллектив как таковой, он готов не быть лояльным, противостоять, как минимум терпеть. Но в действительности он любит друзей и «хороший коллектив», который не выстроить тренингами. В мобилизационных ситуа-

циях такой коллектив возникает практически сам собой. К этому феномену вернемся чуть позже.

Постсоветские трансформации. Тенденция атомизации

Диалектика индивидуального и коллективного в России проявлялась и до сих пор проявляется крайне противоречиво. В условиях активно развивающегося рынка индивид, не утративший индивидуальность, становился субъектом разных видов действия. В отличие от атомизированного элемента технологической системы, он может быть опасен. Сформировались и усиливаются тенденции отказа от ориентации на благо общества или на свое дело, а также от заботы о других, разрываются ранее важные дружеские связи. Взаимопомощь успешно замещается рынком разнообразных услуг. Сосредоточенная на собственном успехе и комфорте актор-личность добивается их любой ценой, что породило популярную идею о «диком» капитализме в России.

Вместе с тем акторы, сохранившие ценностные ориентиры в 90-е годы XX века сумели затормозить разрушительные процессы в российской провинции. В этот период все действительно зависело только от личности. Наши исследования обширны: за 30 лет исследовано более 50 российских регионов. При всей глубине разрухи в малых городах и еще больше в селах учителя, врачи, работники домов культуры, клубов и музеев, главы местных администраций и их департаментов, в ряде случаев инженеры удерживали местный социум от сползания в архаику, которая из Москвы казалась неизбежной. Множество сильных и стойких личностей оказалось среди тишайших библиотекарей, которые превращали свои библиотеки в активно действующие культурные центры.

Однако становление новой системы, которая практически калька с западной, технологической, многое изменяет. Во-первых, против нее практически невозможно бороться, борца уволят. Бороться за трудовые права и достойную зарплату можно, хотя и непросто, но не против инструкции, регламентирующей, например, взаимоотношения между учителем и учеником, учителями и родителями, врачами и пациентами и т.п. Коллеги-социологи для обозначения этого процесса в образовании и управлении предлагают новые термины: бюропатологии [Осипов 2023] или менеджеризм [Дятлов, Ковалев 2023]. Эти категории фиксируют феномены и процессы, свойственные становлению технологической системы.

Паттерны индивидуализации продвигаются эффективно, т.к. молодое поколение уже не имеет ценности свободы действия, поскольку не знает, что это такое. Ценностная ориентация на приоритет личного, на индивидуализм усваивается из интернет-пабликов. Однако следует учитывать, что видимая индивидуализация в данном случае не является маркером прогресса в отечественном идеалистическом представлении о нем, которое обязательно включает в прогресс личностное развитие. Паттерны индивидуализма лишь видимость, за которой скрывается редуцирующая все без исключения экспансия технологической системы. Она, без сомнения, выступает как прогресс, но исключаящий культуру и человека.

Сочетание технологического прогресса с рыночными механизмами делает эту экспансию практически неизбежной. При этом латуровский безопасный муравей в современной России не появляется, но образуется целый ряд опасных для общества расколов, дополняющих уже имеющиеся [Ахиезер 1991, 301; Пантин 2020]. На месте сложного баланса отношений возникает ненависть между учителями и учениками, учителями и родителями школьников, особенно сильного накала достигла ненависть между врачами и пациентами.

Наши исследования показывают и то, что потребность во взаимопомощи, в дружбе и «хорошем коллективе» не исчезает. Более того, преподаватели обращают внимание на индивидуализацию студентов, которая подтверждается опросами, однако на фокус-группах студенты разных регионов России говорят о важности дружбы в их жизни. Дружбу при этом понимают вполне традиционно: как взаимопонимание, готовность помочь, быть всегда на стороне друга. Потребность в интересной работе не только на свое благо также сохраняется, несмотря на ее дискуссионность, если не сомнительность в условиях невысоких зарплат и престижа в ключевых для жизнедеятельности общества отраслях. В некоторых случаях можно предположить, что технологический паттерн – это лишь видимость, он заявляется, но фактически отрицается последующими рассуждениями.

Более того, чрезвычайная ситуация СВО в очередной раз возрождает коллективизм, судя по всему, традиционный не для общины, но для советского модерна. Показателен пример организации медицинской помощи в прифронтовой зоне. Так, московский успешный хирург-онколог, доктор медицинских наук

подробно рассказывает о своей работе добровольцем в передовом госпитале, детально описывая его организацию, а самое главное, работу индивидов-индивидуальностей в коллективе, при очень слабой иерархической составляющей⁶. В его случае речь идет о госпитале, оснащенном высокотехнологическим оборудованием и располагающим достаточным количеством человеческих и остальных ресурсов (таким образом преодолевать трудности, связанные с ограниченностью ресурсов, для них не было необходимости). В деятельности этих врачей присутствует пространство свободы, достаточное для баланса алгоритмизированного и свободного действия.

В данном случае представлена коллективистская традиция именно модерна. Она очевидным образом сочетает личность и коллектив, состоящий из личностей, сохраняющий субъектность. Регламент взаимодействия отсутствует, несмотря на разницу в званиях и позициях, люди понимают друг друга даже на интуитивном уровне. Возможно, часть из них в обычных условиях вели себя как индивидуалисты, но они не проявляют себя таким образом в этом коллективе. Вопрос о лояльности, подразумевающий наказание за ее отсутствие в данном случае, также не стоит. Можно утверждать, что достигнут баланс между алгоритмом и свободой действия, актором-индивидуальностью и коллективом. Наши исследования дают основания полагать, что подобный «хороший коллектив» возникает не только в экстремальных

⁶ Приведем несколько цитат из интервью: «– Кто принимает решения? – Старший смены. Все работают врачами. Он первый среди равных. Там очень трудно начать кого-то учить. Тебе многозначительно помолчат в ответ, что ты поймешь: и зачем я это сказал? <...> Все работали настолько слаженно и в одной парадигме, что в большинстве случаев одни и те же решения приходили людям независимо друг от друга. <...> Там никого не нужно подгонять, ни торопить, ни даже особо указывать. В целом персонал, по моей оценке, работал блестяще. Все, абсолютно все. Нерадивых, глупых, бестолковых я там не видел. Коллектив во всех своих звеньях был очень сильным. <...> Возникает ощущение, из-за хорошей организации, правильно поставленных людей, внутренней связи, что все само собой происходит. <...> «Некоторые доктора работали только свои смены (в приемном отделении). Некоторые еще добровольно шли в зал. Все зависит от того, сколько у человека сил... Все работали столько, сколько считали нужным». См.: Сергей Поликарпов и Алексей Исаев. Военная медицина – 2023 // TacticMedia. 16 июня 2023. – URL: <https://youtu.be/rPYrXXqX5m8>.

ситуациях, что он может существовать в самых разных сферах человеческой деятельности.

Заключение

Индивидуальное и коллективное в современном мире трансформировались в нечто, нуждающееся в переопределении, поскольку изменились (и изменяются) сущностные характеристики самого индивида. Если он равен лишенному индивидуальности субъекту-функции, то его индивидуализм или, наоборот, коллективизм есть имитация, сохраняющая привычную нам кажимость при ином содержании. Исчезновение индивидуальной субъектности (и одновременно индивидуальности) снижает риски воспроизводства «индивидуалиста», превращает его в безопасного для социума имитатора.

Великая свобода Нового времени в условиях технологического прогресса и развивающегося, усложняющегося рынка минимизируется, редуцируется к свободе выбора политиков и даже гендера. Эта свобода условна при отсутствии свободы действия. Индивидуальное и коллективное теряют значение как категории, т.к. заданы программой в связи с конкретной задачей, определяемой, возможно, уже коллективным разумом, в котором «коллективное» означает совокупность высокоспециализированных элементов. Причина происходящего состоит не в мистической бездуховности Запада или западных ценностей, но в реальном, вполне объективном векторе технологического прогресса в условиях развитого (капиталистического) рынка.

Альтернативная версия индивидуального и коллективного (обоих полюсов дихотомии) существовала в русском и советском модерне. В его традиции коллективист может быть индивидуалистом, но осознанно действующим на благо общества. Ретроспективные исследования советской и русской модернизации выявили великое множество подобных персонажей, которые и обеспечили прогресс, казалось бы, невозможный. «Хороший коллектив» – это также феномен вполне реальный, но непростой, требующий дополнительных исследований. Пока можно утверждать, что он существенно отличается от традиционной общины, обеспечивавшей когда-то безопасность своим членам.

Современные тенденции индивидуализации в России ожидаемы, обусловлены технологическим и рыночным развитием. Они отчетливы, но противоречивы. Можно утверждать, что в настоящее время существует несколько отечественных вариантов индивидуального и коллективного: выстроенные по пат-

тернам технологической системы и традиционные, сложившиеся в отечественном модерне. Он не был идеальным. Но в итоге находил баланс актора и агента, свободы и нормативности действия, индивидуализма и коллективизма, которые успешно работают и сегодня, по крайней мере в условиях мобилизации.

Способно ли подобное устройство обеспечивать развитие высоких технологий и может ли оно сохраниться в условиях своеобразного российского постмодерна? Можно предположить, что такие шансы есть, точнее, они должны быть или хотелось бы, чтобы были. Технологическая система с ее коллективным разумом, алгоритмами и рыночным характером коммуникаций крайне слабо функционирует в состоянии непредсказуемости и хаоса. Предполагать, что общество в планетарном масштабе достигнет предельной устойчивости, представляется по меньшей мере наивным. Вопрос о балансе алгоритма и свободы, действующего субъекта и субъекта-функции, индивидуальности коллектива в современной ситуации является одним из ключевых для выживания социума и для его прогресса.

Исследование традиционного для русского (советского) модерна коллективного и индивидуального, с нашей точки зрения, позволяет исследовать и отечественную версию существовавшего в действительности «социально ориентированного индивида» [Давыдов 2023], понять перспективы его воспроизводства в современном мире.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенова 2016 – *Аксенова О.В.* Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

Ахиезер 1991 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: в 3 т. Т. 2. – М.: Философское общество СССР, 1991.

Бауман 2004 – *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Бауман 2008 – *Бауман З.* Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

Блум, Меспуле 2006 – *Блум А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки.* 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Дятлов, Ковалев 2023 – Дятлов А.В., Ковалев В.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 70–91.

Осипов 2023 – Осипов А.М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 15–33.

Пантин 2020 – Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3. С. 23–41.

Пантин 2021 – Пантин В.И. Запад/Восток: социально-экологические кризисы в прошлом и настоящем // История и современность. 2021. № 4 (42). С. 20–38.

Социокультурные основания... 2022 – Социокультурные основания советского модерна / отв. ред. О.В. Аксенова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022.

Турен 1998 – Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с франц. Е.А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998.

Хабермас 1993 – Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123–136.

Черныш 2022 – Черныш М.Ф. Об историческом прошлом и идентичности современных россиян // Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М.К. Горшкова. – М.: Весь мир, 2022. С. 175–185.

Ядов 1998 – Ядов В.А. Индивидуализация // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.

Beck, Beck-Gernsheim 2008 – Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. – London: Sage, 2008.

Ellul 1980 – Ellul J. The Technological System. – N. Y.: Harper Torchbooks, 1980.

Callon 1987 – Callon M. Society the Making; the Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis // New Directions in the Social Studies of Technology / ed by J. Bijker, T. Hughes, T. Pinch. – Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 83–103.

Risk, Environment... 1996 – Risk, Environment and Modernity / ed by S. Lash, B. Szerszynsky, B. Wynne. – London: Sage, 1996.

Latour 2005 – Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

REFERENCES

Aksenova O.V. (2016) *The Paradigm of Social Action: Professionals in Russian Modernization*. Moscow: RAS Institute of Sociology (in Russian).

Aksenova O.V. (Ed.) (2022) *Sociocultural Foundations of Soviet Modernity*. Moscow: FCTAS RAS (in Russian).

Akhiezer A.S. (1991) *Russia: Critique of Historical Experience* (Vol. 2). Moscow: Philosophical Society of the USSR (in Russian).

Bauman Z. (2004) *Globalization: The Human Consequences* (M.L. Korobochkin, Trans.). Moscow: Ves Mir (Russian translation).

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity* (Yu.V. Asochakov, Ed. & Trans.). Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Beck U. & Beck-Gernsheim E. (2008) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage.

Blum A. & Mespoulet M. (2006) *Bureaucratic Anarchy. Statistics and Power under Stalin*. Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Callon M. (1987) Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis. In: Bijker J., Hughes T., & Pinch T. (Eds.) *New Directions in the Social Studies of Technology* (pp. 83–103). Cambridge, MA: MIT Press.

Chernysh M.F. (2022) On the Historical Past and Identity of Modern Russians. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)* (pp. 175–185). Moscow: Ves' mir (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Dyatlov A.V. & Kovalev V.V. (2023) Efficiency of Management of Higher Education in Russia in the Practices of Application of Managerial Tools. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 14, no. 2, pp. 70–91 (in Russian).

Ellul J. (1980) *The Technological System*. New York: Harper Torchbooks.

Habermas J. (1993) Relations Between the System and the Lifeworld in the Conditions of Late Capitalism. *THESIS*. Vol. 2, pp. 123–136 (Russian translation).

Lash S., Szerszynsky B., & Wynne B. (Eds.) (1996) *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage.

Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Osipov A.M. (2023) Priorities of Studying Education in the Light of the Problem of Bureaupatologies. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 14, no. 2, pp. 15–33 (in Russian).

Pantin V.I. (2020) Value Divisions and Splits in Modern Societies: Impact on Socio-Political Development. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*. No. 3, pp. 23–41 (in Russian).

Pantin V.I. (2021) West and East: Socio-Ecological Crises in the Past and Present. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*. No. 4, pp. 20–38 (in Russian).

Touraine A. (1998) *Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society* (E.A. Samarskaya, Trans.). Moscow: Nauchnyy mir (Russian translation).

Yadov V.A. (1998) Individualization. In: G.V. Osipov (Ed.) *Russian Sociological Encyclopedia*. Moscow: NORMA-INFRA-M (in Russian).